— Ты готов, Карлос? Надеюсь, на этот раз ты меня не разочаруешь.

Режиссёр стоял неподалеку, внимательно наблюдая за Ли Сычэнем и Лю Шаньчэнем. Он не спешил вмешиваться в их разговор, подав голос лишь тогда, когда заметил, что наставления старшего подошли к концу.

— Готов, — Сычэнь поднялся на ноги.

Он украдкой взглянул на Лю Шаньчэня: в этот момент мальчику как никогда требовалось чьё-то одобрение, негласное подтверждение того, что он справится. И Шаньчэнь не подвёл. Одарив его мягкой, едва заметной улыбкой, он лишь коротко кивнул:

— Иди. Играй так, как сам это чувствуешь.

— Угу! — Сычэнь энергично закивал.

На его губах заиграла робкая улыбка. Расправив плечи и вскинув голову, он уверенным шагом направился к съёмочной площадке, чувствуя на себе десятки выжидающих взглядов.

— Надеюсь, мне не придётся из-за тебя снова переснимать одну и ту же сцену, — бросил Карл с едкой усмешкой.

Видимо, бесконечные дубли истощили остатки его симпатии к юному напарнику, и теперь на смену былому дружелюбию пришло неприкрытое раздражение.

— Больше не придётся, — Сычэнь ответил серьёзно.

Он всё ещё плохо ориентировался в законах этого мира, но уже успел усвоить главное: кинематограф жесток и не прощает слабости. С подобным пренебрежением он сталкивался ещё в те времена, когда перебивался массовкой, и теперь история просто повторялась. Однако сейчас он был полон решимости стать сильнее. Сычэнь посмотрел Карлу прямо в глаза, и в его взгляде читалась непоколебимая твёрдость:

— Сегодня я докажу тебе, что ты во мне ошибался.

«Оскар» не даётся просто так. Раз уж он дал обещание Мишель, то расшибётся в лепёшку, но добьётся этого стандарта.

— Ну-ну, посмотрим, — Карл вскинул бровь, явно не принимая слова мальчишки всерьёз.

— Начинаем! Карл, ты актёр опытный, надеюсь, тебе не нужно объяснять, как правильно

встать в кадре? — Режиссёр обратился к Карлу куда мягче, чем к Сычэню, признавая за тем право на снисходительное отношение.

— Разумеется, нет, — уверенно отозвался Карл.

Он быстро занял место в центре площадки и опустился на колени. Всего пара секунд — и дерзкий подросток на глазах у всех превратился в избитого, потерянного и страдающего ребёнка.

Наблюдая за этим преображением, Ли Сычэнь невольно восхитился. Он понимал, что сейчас ему не под силу достичь такой глубины перевоплощения, но это лишь подстегнуло его азарт. Карл — такой же ребёнок, как и он, и если тот способен на подобное, значит, и Сычэнь когда-нибудь сможет. Он сможет стать сильнее. А может быть, даже превзойти его.

— Начали!

Снова та же команда. Сычэнь замер, прислонившись рукой к стене. Но теперь в его лице не было и следа прежней растерянности — лишь глубокое, зеркальное спокойствие.

Выйдя из-за угла, Сычэнь машинально коснулся груди, а затем бессильно уронил руку. Это был новый штрих к портрету персонажа — плод его собственных раздумий. Ребёнок с врождённым пороком сердца с самого рождения обречён на эмоциональную сдержанность. Его удел — пресное, лишённое красок существование.

— Ты в порядке? — негромко спросил Сычэнь.

Он смотрел прямо на Карла, распростёртого на земле. В его голосе слышалось беспокойство, но в глазах не отражалось ни единой искорки сочувствия. Этот вопрос прозвучал так же буднично, как обычное «ты уже пообедал?». Словно он видел перед собой не избитого товарища, а пустую декорацию.

— Тебе весело было, да? — Гнев Карла вспыхнул мгновенно, стоило ему столкнуться с этим ледяным равнодушием. Сейчас он злился даже сильнее, чем когда его колотили. — Наслаждался зрелищем? Приятно было смотреть, как меня бьют?

— Нет, — Сычэнь лишь повёл глазами.

Его ладонь снова легла на сердце. На этот раз он продержал руку на груди несколько секунд, прежде чем опустить её, и его лицо вновь превратилось в бесстрастную маску.

— Весело ему! — Карл, казалось, вовсе не слышал ответа.

Опершись о землю, он с трудом поднялся.

— Ну конечно! Я ведь подкидыш, беспризорник, меня и бить можно, так?! — закричал он, захлёбываясь яростью. Его задевало всё: и недавние побои, и тот факт, что он никому не нужен, и, больше всего — это невыносимое спокойствие Сычэня.

— Я… — Сычэнь широко распахнул глаза, не отрывая взгляда от Карла. Прошло томительное мгновение, прежде чем он закончил фразу: — Меня тоже… бросили.

При этих словах Карл застыл, не в силах скрыть изумления. Дети стояли друг напротив друга, и в их взглядах читалось нечто необъяснимое. Возможно, это было внезапно вспыхнувшее чувство родства между двумя одинокими душами, а может, что-то иное — они и сами не знали.

— Снято! Отлично, Карлос, Карл, вы оба сыграли великолепно. Дальше по плану — сцена с Лю и Лэнсом.

— Получилось! — Услышав одобрение режиссёра, Сычэнь не сдержал восторга. Он сжал кулаки и коротко мотнул ими, беззвучно подбадривая самого себя.

— Подумаешь, один дубль из сотни удался, тоже мне радость, — проворчал Карл, проходя мимо. Он смерил Сычэня косым взглядом и зашагал прочь.

Слова напарника на мгновение омрачили триумф Сычэня, но грусть быстро улетучилась. Пусть успех был скромным, но это был шаг вперёд. Если каждый день продвигаться хоть на йоту, рано или поздно он добьётся признания.

Разобравшись в своих чувствах, Сычэнь перестал терзаться из-за начальных неудач. Он ведь только в начале пути и не обязан сразу тягаться с Карлом.

— Маленький Карлос, пора обедать! — К Сычэню подошла молодая девушка лет двадцати с контейнером в руках.

Это была Цзинь Я. Несмотря на то, что съёмки только начались, она, питавшая слабость к детям, быстро нашла общий язык со всеми ребятами на площадке.

— Спасибо, Сестра Я, — Сычэнь с улыбкой принял обед. — А брат Шаньчэнь и остальные? Они разве не будут есть? — спросил он на чистом китайском.

Лю Шаньчэнь, приехав на съёмки в Штаты, конечно, не мог обойтись без помощников. Цзинь Я была его ассистенткой и к тому же соотечественницей. Для Сычэня это стало настоящим подарком судьбы: за целый год жизни в Америке он почти не встречал родных лиц, а тут — сразу двое китайцев в одной группе! Он светился от счастья и при любой возможности переходил с Цзинь Я на родную речь.

— Не беспокойся о них, у них впереди ещё одна сцена, — со смехом ответила девушка. — А ты маленький, проголодался небось быстрее всех, так что ешь давай.

— А так можно? — Сычэнь немного замялся.

В те времена, когда он был простым статистом, его кормили в последнюю очередь. Как-то раз он по неопытности взял еду раньше времени, за что получил такой нагоняй, что запомнил на всю жизнь. С тех пор он не смел притрагиваться к еде раньше положенного. Впрочем, в том детстве к лишениям было не привыкать. Сейчас же его грела мысль, что еда в кои-то веки тёплая, а дома его ещё ждёт ужин, заботливо приготовленный Мишель.

— Конечно, можно, — Цзинь Я ласково потрепала его по волосам.

С самой первой встречи она чувствовала, что у этого ребёнка есть какая-то тайна, но чем дольше она за ним наблюдала, тем меньше понимала, какие секреты могут быть у такого крохи. — Гляди, что я сегодня принесла, — она открыла крышку.

Внутри оказалось щедрое ассорти из пяти или шести блюд, и все они были исконно китайскими.

— Ого… — Сычэнь шумно сглотнул слюну. — Выглядит просто потрясающе! Но… — он в замешательстве почесал затылок, — почему еда такая вкусная? На обычный киношный паёк совсем не похоже.

Обычно на студии заказывали стандартные обеды для всех, и, если ты не суперзвезда, твой рацион мало чем отличался от того, что ест массовка.

Цзинь Я, забавляясь его реакцией, пояснила:

— Это я сама приготовила. И про тебя не забыла, отложила порцию.

— А… — Сычэнь выглядел растерянным. — Почему вы решили угостить и меня?

Конечно, ему часто встречались добрые люди, но обычно для такого расположения нужно было долгое знакомство. А с Цзинь Я они виделись, по сути, второй раз в жизни.

— Да потому что ты мне нравишься! — Девушка со смехом ущипнула его за щеку. — Если и дальше будешь позволять мне тискать тебя за щечки, я буду готовить для тебя каждый день. Идёт?

Услышав это «условие», Сычэнь тут же прикрыл лицо ладонями. Нахмурившись, он уставился на аппетитный обед, словно решая сложнейшую дилемму: стоит ли вкусная еда таких жертв.

В другой части площадки Лю Шаньчэнь и Лэнс обсуждали предстоящую сцену. Оба были мастерами своего дела и привыкли импровизировать прямо в кадре, поэтому разговор быстро свернул на Цзинь Я и Сычэня.

— Слушай, Лю, у этого мальчишки глаза и впрямь стали чёрными. Как ты этого добился? Неужели заставил его надеть линзы?

— Это их настоящий цвет, — сухо отозвался Шаньчэнь. — А ты, Лэнс, как я погляжу, не в меру любопытен.

— Ха! Ну и характер у тебя. Точь-в-точь как у твоего героя. Сдаётся мне, Габриэль писал этот сценарий специально под тебя — каждое слово в яблочко, — Лэнс засыпал собеседника словами, не замечая, как брови Лю медленно ползут к переносице.

— Возможно, — Шаньчэнь явно не был настроен на долгие беседы. К Лэнсу и Сычэню он относился совершенно по-разному, и его терпение сейчас было на исходе.

Но Лэнс и не думал униматься:

— Вот именно! Но паренёк-то хорош… Я и раньше замечал, что в его взгляде появилась какая-то глубина, а теперь вот оно что оказывается. Слушай, ну признайся, ты же вечно ходишь с лицом-кирпичом, с чего вдруг такая нежность к этому ребёнку?

Лю Шаньчэнь смерил Лэнса холодным взглядом, затем посмотрел на Сычэня, который всё ещё пребывал в глубоких раздумьях над своим обедом, и не проронил ни слова.

— Ну что ты молчишь? Это из-за того, что вы оба из Азии? Расовая солидарность? Или как там у вас говорят — вы оба «Потомки Дракона»? — Любопытство Лэнса не знало границ: его в равной степени интересовал и сам Лю, и вся загадочная китайская культура.

— Слишком много болтаешь, — Шаньчэнь медленно направился к камерам. — Режиссёр, я готов.

— Эй, погоди! Ты же не ответил! Зачем так спешить?

— Лэнс! — Голос режиссёра громом разнёсся над площадкой.

— Понял-понял, иду! — Лэнс виновато развёл руками и поспешил занять своё место.

http://bllate.org/book/17536/1704550